

этого района в состав США в качестве территории или штата» [7, с. 931]. Таким образом, адепты присоединения новых территорий стремились превратить враждебность к Канаде в дружественное отношение к США. Эти попытки в конце концов провалились – влияние американского консула в Виннипеге генерала О. Мальмроса на восставших стало постепенно не только ослабевать, но и превратилось в открытую неприязнь к американским агентам [2, с. 110]. Почему? Активный экспансионизм США стал толчком к ряду финансовых и иных уступок территориям Северо-Запада со стороны британского и канадского правительств, перешедших от тактики прямого давления к политике лавирования и компромиссов. В результате восставшие и их сторонники приняли решение войти в состав конфедерации на правах провинции (1871 г.), в связи с чем в основном завершился процесс реального создания доминиона.

Итак, как это ни парадоксально, но, в значительной мере, американские экспансионистские устремления имели результат, противоположный предполагаемому, подтолкнув образование доминиона и, в конечном итоге, сплочение канадских провинций в единый политический организм. Американская дипломатия использовала самые разнообразные по характеру и тактическому содержанию приемы вовлечения Канады в орбиту своего экономического и политического доминирования, но ни одному из них во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XIX в. не сопутствовал успех.

Источники и литература:

1. Райерсон, С.Б. Неравный Союз. История Канады, 1815–1873 / С.Б. Райерсон. – М. : Прогресс, 1970. – 398 с.
2. Callahan, J.M. American Foreign Policy in Canadian Relations / J.M. Callahan. – N. Y. : Holt, 1967. – 370 p.
3. Dennet, T. Seward's Far Eastern Policy / T. Dennet // The American Historical Review. – 1922. – Vol. 28. – October. – P. 45–62.
4. Shippee, L.B. Canadian-American Relations 1849–1874 / L.B. Shippee. – N. Y. : Russell and Russell, 1970. – 514 p.
5. Sumner, Ch. Works of Charles Sumner : in 15 vols. / Ch. Sumner. – Boston : Lee & Shepard, 1870–1883. – Vol. 11. – 673 p.
6. Warner, D.F. The Idea of Continental Union: Agitation for the Annexation of Canada to the U.S. 1849–1893 / D.F. Warner. – Lexington : Univ. of Kentucky Press, 1960. – 276 p.
7. U.S. Congress. Congressional Globe, 1865–1873 : in 16 vols. – Washington : Government Printing Office, 1865–1873. – Vol. 7. – 1073 p.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ
О ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СОЮЗНИКАХ РОССИИ
В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

И.Р. Чикалова (Минск)

Сложившийся расклад сил и интересов к началу XX века вынуждал Россию определиться со своим местом в противоречивой системе европейских международных отношений, как говорили тогда, «концерте держав».

В конечном счете, выбор приоритетов сводился к ориентации либо на Францию и Великобританию, которые после серии соглашений 1890, 1896, 1899 гг. о разделе сфер влияния в Индокитае и Африке в 1904 г. заключили договор «Сердечного согласия», либо на противостоявшую им Германию, находившейся с 1879 г. многолетнем союзе с Австро-Венгрией, и присоединившейся к ним в 1882 г. Италии – тем самым Тройственный союз держав завершил свое оформление. Прагматично мыслившие исследователи геополитических проблем того времени И.И. Дусинский [1], Р.Р. Розен [9, с. 27] полагали, что в сложившейся конфигурации международных игроков избежать вступления в один из военно-политических блоков невозможно, но вступив в него, следует руководствоваться интересами одной только России и не подчинять внешнеполитический курс интересам любого блока, будь-то англо-французский или германо-австрийский.

Что же Россия? Россия имела договор с Францией, оформившийся в 1891–1893 гг. Эта дипломатическая комбинация, в оценке Е.В. Тарле, от первых дней своего существования являлась «взаимным страхованием обеих держав от германской опасности», и благодаря этому была «прочной и жизнеспособной, несмотря на все препятствия и противоборствующие течения, обнаружившиеся и в обеих странах, и в наиболее заинтересованных посторонних державах» [11, с. 105]. В 1904 г. Россия вступила в войну с Японией, которую поддержала Англия. В то же время углем эскадру адмирала Рождественского снабжала Германия – без этой поддержки вряд ли был возможен ее поход на Дальний Восток.

На таком фоне императорский двор давал поводы полагать, что возможен и даже желателен союз с Германией, с которой положительные контакты и союзы имели свою историю, и идея их продолжения в России располагала немалым числом приверженцев. Вильгельм II всячески этому способствовал. Династические родственные отношения между домами Гогенцоллернов и Романовых приводили к достаточно частым встречам между двоюродными братьями – императорами Вильгельмом II и Николаем II. Германский император попытался использовать одну из таких встреч как инструмент личной дипломатии.

В ходе одной из них возле небольшого острова Бьёрке у финского побережья Вильгельм II и Николай II на императорской яхте «Штандарт» 24 июля 1905 г. подписали договор о союзе, составленный немцами. О существовании его на протяжении трех месяцев не знал даже министр иностранных дел России В.Н. Ламздорф, а когда узнал, то «не мог поверить своим глазам». По условиям договора Россия и Германия обязывались оказывать друг другу вооруженную помощь в случае нападения на кого-либо из них одной из европейских держав. Главную цель Бьёркского договора германская дипломатия видела в разрушении российско-французского союза. Кроме того, созданием континентального блока Германия намеревалась изолировать Англию, разорвать и англо-французские связи.

Обязательства России перед Германией по Бьёркскому договору находились в полном противоречии с условиями русско-французского соглашения 1891–1893 годов. Да и после заключения мира с Японией Россия меньше зависела от Германии. Наоборот, ей нужен был заем, который могли дать французские и английские банки. Бьёркский договор сделал бы это невозможным. В силу указанных причин договор не вступил в силу, а в 1907 г. во время свидания российского и германского императоров на рейде у Свинемюнде российская дипломатия добилась, чтобы договор «рассматривался как совершенно уничтоженный» [4, с. 476, 620–621]. Отказ России от Бьёркского соглашения с Германией и сохранение ее союза с Францией объективно отбрасывали Германию в лагерь противников России.

Что касается отношений России с Великобританией, то они традиционно отличались напряженностью, а значительная часть российского общества была пропитана англофобией. Ее широкое распространение и устойчивый характер имели свои основания. В общественной памяти даже в начале XX в. прочными были воспоминания о русско-британском враждебном противостоянии на протяжении всего XIX в. в Центральной Азии и на Среднем Востоке, Крымской войне, неприкрытой враждебности Великобритании в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Последующие двухсторонние отношения также не были безоблачными: в Русско-японской войне 1904–1905 гг. антирусская политика поддержавшей Японию Англии давала основания для резкого недовольства и критических выступлений. Эти нюансы отметил известный англовед того времени А.Н. Савин в работе «Англо-русское сближение в связи с образованием Тройственного соглашения»: «Отношения России с Англией начались давно, триста шестьдесят два года тому назад, но англо-русская близость очень молода: ей нет еще и десяти лет» [10, с. 107].

В отличие от длительной истории тесных взаимовыгодных контактов с Германией, период англо-русского сближения начался только после русско-японской войны и революции 1905–1907 гг., когда потеряли почву английские опасения относительно русской гегемонии в Азии, а главное – в Европе перед Англией возникла угроза устрашающего роста немецкой военно-политической и хозяйственной мощи. 31 августа 1907 г. было подписано русско-английское соглашение, оно урегулировало отношения в Персии, Афганистане и Тибете, но его значение вышло далеко за рамки колониальных вопросов. Как писал известный историк А.Н. Савин, «Англо-русская вражда кончилась, началась англо-русская дружба и тесно переплелась с дружбой англо-французской. 31 августа 1907 года родилось тройственное согласие наших дней» [10, с. 147].

Однако, несмотря на подписание соглашения в среде российских консерваторов англофобия не исчезла. Ее вызывало не только традиционное отсутствие доверия к политике Англии, но также неприятие английского политического устройства, английской модели конституционализма

и парламентаризма, что побуждало консерваторов настороженно относиться к британской внешнеполитической стратегии и русско-английскому союзу из-за опасения гипотетически возможного перенесения английских политических порядков на российскую почву. Поэтому намерения улучшить отношения с Англией и установить с нею военно-политический союз в правительственных сферах и в кругах консервативно настроенной общественности разделяли далеко не все.

Среди тех, кто предсказывал трагические, по их мнению, последствия разрыва с Германией и соглашения с Англией, были многие видные представители российской военно-политической элиты. Непримируемость англо-русских противоречий они выводили из предположения о противостоянии морского (Англии) и континентального (России) государств. Так считал дипломат и публицист Ю.С. Карцов, который утверждал: «С конца XVIII столетия, опасаясь усиления и соперничества России на море, Англия перестает быть другом России и становится ее врагом... исторический враг России – Англия» [7, с. 16–17, 19]. Намерения же сблизиться с Россией объяснялись стремлением найти противовес торговой и военной экспансии Германии. «Но государственные интересы России, утверждал Карцов, требуют союза не с Англией, а с Германией, ибо война России с Германией привела бы к печальным результатам, ослабила бы не только Россию, но даже и всю континентальную Европу, и мало того, – чрезмерно усилила бы господство Англии» [8, с. 96].

Эту концепцию активно поддерживали традиционалисты, в частности, один из идеологов «Русского народного союза» Г.В. Бутми, депутат Государственной Думы Н.Е. Марков. Последний заявлял, что задача Лондона – «поссорить Россию с Германией». Англии выгодно, чтобы «Россия с Германией воевали, ибо они разобьют себе, во всяком случае, лбы, а Англия будет только усиливаться». По мнению Маркова «при тех или других осложнениях, от дружбы с Англией мы реально почти ничего ожидать не можем. А вот дружбу с Германией мы постепенно растрчиваем и эта дружба на деле японской войны нам давала серьезные доказательства своей реальности» [5].

Решительным противником внешнеполитической ориентации на Великобританию был А.Е. Вандам. Его опыт успешного разведчика способствовал созданию аналитических трудов. В 1912 г. Вандам (в 1910–1913 гг. он находился в запасе) опубликовал в Санкт-Петербурге труд «Наше положение» [2], а год спустя – работу «Величайшее из искусств» [3]. В них, анализируя международное положение, он резко критиковал внешнюю политику Англии и делал прогнозы на будущее. В отличие от большинства русских военных аналитиков начала XX столетия, Вандам, исходя из концепции противостояния континентальной и морской держав, главным противником Российской империи видел Великобританию. Он предрекал, что конец столетия станет «торжеством англосаксонской расы на всем земном шаре», если славянские народы не вступят с британцами в борьбу за «место под солнцем».

Он полагал необходимым создание в Европе коалиции сухопутных держав в составе России, Германии и Франции, направленной против «уточенного деспотизма Англии», полагая, что таким образом Россия смогла бы облегчить решение своих геополитических задач. Среди них – стать «такой же морской державой на Тихом океане, как Англия на Атлантическом», закончив «наступление через Сибирь выходом к Желтому морю».

Позиция традиционалистов, выступавших за союз с Германией и развивавших идею континентального блока, была изложена лидером группы правых в Государственном совете Петром Николаевичем Дурново в записке императору Николаю II, поданной ему в феврале 1914 года [6]. «С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится... Даже победа над Германией сулит России крайне неблагоприятные перспективы» [6, с. 194, 199]. Будущее для России Дурново видел не в Антанте, а в тесном сближении с Германией, примиренной с ней Францией и связанной с Россией оборонительным союзом Японией [6, с. 199].

«Записка Дурново» не вызвала практической реакции вечно колеблющегося императора, была оставлена без ответа и отправлена в канцелярию. При этом, если верить свидетельству гросс-адмирала А. фон Тирпица, «сам Николай II был настроен в пользу Германии»: «Николай II, который в одной из бесед со мною сказал по собственной инициативе: “Гарантирую вам, что я никогда не буду воевать с Германией”, в 1914 году также не желал войны с нами» [12, с. 196, 199].

Время показало, что Дурново, предупреждая императора об опасностях военно-политического сближения с Англией и предсказывая социалистическую революцию в России, оказался пророчески прав. Но это стало ясным только в будущем. Тогда взгляды Дурново и его единомышленников разделяли далеко не все, ориентация на укрепление союза с Великобританией сохранилась. С приближением же большой войны в публикациях периодической печати все большее место начали занимать материалы, формирующие образ Германии, как противника, и делающие прогнозы относительно характера будущих военных действий. В марте 1914 г. началась настоящая русско-германская «газетная война». И хотя, считая дальнейшее нагнетание напряженности несвоевременным, ведомства иностранных дел обоих государств приняли меры к прекращению полемики, «газетная война» способствовала нарастанию в общественном настроении (это относится как к Германии, так и к России) взаимных антипатий, психологически готовила массы к позитивному восприятию с позиций национального патриотизма предстоящее объявление войны.

Источники и литература:

1. Арктур [Дусинский И.И.] Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики: [Т. 1] – / Арктур. – Одесса : газ. «Рус. Речь», 1908 (обл. 1910). – 539, [7] с.

2. Вандам, А.Е. Наше положение / А.Е. Вандам. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1912. – 204 с.
3. Вандам, А.Е. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии / А.Е. Вандам. – СПб. : Тип. т-ва А.С. Суворина, 1913. – 53 с.
4. Витте, С.Ю. Воспоминания : [В 3 т. / Вступ. статья и общая ред., коммент. и указатели д-ра ист. наук проф. А.Л. Сидорова] / С.Ю. Витте. – М. : Соцэкгиз, 1960. – Т. 2: Царствование Николая II. – 1960. – 639 с.
5. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 год. Сессия 2-я. Т. 1. Заседания 76–97 (с 7 по 24 мая). – СПб. : Гос. типография, 1914. – 1928 с.
6. Дурново, П.Н. Записка Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича / П.Н. Дурново // Красная новь. Литературно-художественный и научно-публицистический журнал. – 1922. – № 6 (10). – С. 178–199.
7. Карцов, Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России) / Ю. Карцев. – СПб. : тип. «С.-Петербур. вед.», 1908. – 47 с.
8. Карцов, Ю.С. Англия, Россия и Германия. Доклад 13 января 1912 г. в Главной палате Русского народного союза имени Михаила Архангела) / Ю.С. Карцов // Правые партии. 1911–1917 годы. В 2 т. – М. : РОССПЭН, 1998. – Т. 2. – С. 96–97.
9. Розен, Р.Р. Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 года, в предвидении приближения мировой войны и грозящей России катастрофы, и сообщенный Правительству в октябре того же 1912 года / Р.Р. Розен. – Пг. : тип. А. Бенке, 1917. – 40 с.
10. Савин, А.Н. Англо-русское сближение в связи с образованием Тройственного соглашения / А.Н. Савин // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. – М. : Д.Я. Маковский, 1916–1917. – Т. I. [1916]. – Вып. 2. – С. 106–152.
11. Тарле, Е.В. Франко-русский союз / Е.В. Тарле // Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. – М. : Д.Я. Маковский, 1916–1917. – Т. I. [1916]. – Вып. 2. – С. 73–105.
12. Тирпиц, А. Воспоминания / А. Тирпиц. – М. : Воениздат, 1957. – 656 с.